

КРОКОДИЛ

№ 14 Москва, май

Издание газеты „Правда“ 1934

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ АССОРТИМЕНТ

Рис. А. Топикова

— Мне бы ложку дегтя...
— Без бочки меда не отпускаем-с!

ДОСТУПНЫЕ СОВЕТЫ

Опять началась партийная чистка. И опять этим чрезвычайно хлопотливым делом озабочено великое множество людей.

Чистку пройти — это ведь не чаю написать. Хорошо, если кто уже пробовал этого кушанья, имеет опыт. А как быть новичку? Как подготовиться к чистке, чем обзавестись? Как держаться, что надеть?

Когда лучше чиститься — к зиме или в жаркую погоду? Первым в очереди или к концу? Как отвечать на вопросы — поподробнее или скупое?

Идя навстречу желанию некоторой части публики, мы даем небольшую консультацию по подготовке к чистке. А именно: мы кратко подытожим существующий общий опыт в чистильном деле, разберем и расценим методы и приемы, применявшиеся бывальыми людьми.

В основном бывалые люди применяют пять приемов. Вот они:

ПРИЕМ НОМЕР ПЕРВЫЙ — СИРОТА КАЗАНСКАЯ

Этот прием рассчитан главным образом на человеколюбие чистильной комиссии, на чуткий товарищеский подход к проверяемым, который положен в основу ее работы.

По номеру первому чистимая личность уже за несколько дней до собрания перестает бриться и ходит, собрав ключицы вместе, наклонив корпус на 15 градусов, стараясь всем попадаться на глаза. Окружающим, в ответ на их обращения, личность долго смотрит в глаза страдальческим взглядом и затем, махнув рукой, молча отходит в сторону.

Люди — не звери: вокруг казанской сироты раздаются сочувственные замечания.

— Вот, как свело человека!

— Прямо скрутило! До ручки, бедняга, дошел.

Этот предварительный период важен и необходим. Без него внезапное появление еще вчера здорового, цветущего человека в образе неизлечимо больного может вызвать у собрания взрыв неудержимого веселья, которое непременно заинтересует комиссию.

Перед столом комиссии личность появляется уже с густой щетиной на более или менее бледных щеках, согнувшись под углом до 35 градусов, с перевязанной головой или челюстью.

— Что с вами, товарищ? Вы больны? Возьмите стул, присядьте.

После длительной и благородной борьбы по вопросу о стуле личность, наконец, усаживается и, вытирая с лица воображаемый холодный пот, готовится отвечать на вопросы комиссии, которые в таких случаях становятся короткими и деликатными...

Метод казанской сироты, во многих случаях блестяще себя оправдавший, дает, однако, ряд осечек и неудач.

Прежде всего, далеко не все лица, применявшие номер первый, выдерживали его надлежащее время. Еще до конца чистки они появлялись в подлинно цветущем своем виде, чистенько выбритыми, в белых штанах, с цветком в петлице, с бронзовым загаром на крепкой шее. Такое стремительное, отрадное улучшение здоровья вызвало некоторое подозрение у комиссии и толкало ее на путь наведения более подробных справок.

С другой стороны, даже производя полностью желаемое впечатление, номер первый иногда приносит обратные результаты.

Совсем недавно, уже в настоящую чистку, одна комиссия с искренней скорбью выслушала коммуниста сиротливого вида. Шаткое здоровье мешало ему заинтересоваться промфинпланом завода, а слабое зрение ограничивало идейную работу над собой чтением порнографической литературы. Хрупкая нервная система вынуждала его регулярно требовать к себе на дом бидон с молоком, предназначенный для детских яслей, а потребность принимать в точно назначенное время порошки от изжоги заставляла премироваться за счет завода золотыми часами.

Комиссия приняла глубоко к сердцу болезненное состояние проверяемого. Из санитарно-диетических соображений она освободила слабые плечи сиротливого человека от тяжелого партийного бремени.

ПРИЕМ НОМЕР ДВА — БЕРЕЖЕННОГО БОГ БЕРЕЖЕТ

В отличие от первого, этот номер требует громадной активности. Бывалые люди, применяющие номер второй, проводят к своей чистке большую организационную работу, гораздо большую, чем если бы дело шло о подготовке к полярной экспедиции.

Люди, вредные и неудобные к чистке, по возможности устраняются. Их отсылают, уговаривают отдохнуть, командируют, помогают им получить путевки на знойные черноморские пляжи. Людей полезных и дружественных спешно вызывают письмами, телеграммами, обещаниями пристроить.

Если бывалый человек служит в наркомате, он приводит на чистку рабочих заводского кружка, где он читал лекции по истории живописи. Если бывалый человек служит на заводе, он приводит делегацию из театра экспериментальной пантомимы, где он был долготелним аккуратным членом худ-агит-полит-литсовета. Делегаты сопровождают бывалого человека довольно охотно. Но на самой чистке нередко происходят срывы. Члены заводского кружка, узнав, что их лектор — чемпион бюрократизма и волокиты, отказываются прославлять его заслуги в области истории искусств; деятели экспериментальной пантомимы, услышав, что представитель с завода — не цвет пролетариата, а лодырь и прогульщик, тут же исключают его из худ-агит-полит-литсовета.

Бывалый человек, работающий номером вторым, заблаговременно узнает имена членов своей комиссии по чистке. Расследует, где они служат, с кем встречаются, с кем дружат, с кем ссорятся, каковы их специальности и вкусы.

Но и тут бывалого человека постигают неудачи, заставляющие усомниться в могуществе номера второго. Недавно один из виртуозов этого номера узнал, что председатель комиссии — красный профессор-экономист и пишет научную работу о дифференциальной земельной ренте. Бывалый человек утаил этот ценный факт от друзей и собратьев по ячейке, он только лукаво подмигнул самому себе и три ночи напролет перед чисткой зубрил дифференциальную ренту. С чудовищным напряжением освоил он отличие первой дифференциальной ренты от второй дифференциальной, отличие обеих дифференциальных от абсолютной ренты и отличие их всех трех от ренты монополюльной.

Представ перед комиссией, бывалый человек наскоро отбарабанил свою биогра-

фию и стал бодро прокашливать горло в ожидании вопроса о дифференциальной ренте. Но председатель достаточно обелся рентой в институте, он стал спрашивать бывалого человека о пригородном совхозе и заводской столовой. А именно в этих двух местах последние месяцы бывалый человек совершенно не бывал, хотя и числился заведующим рабочим снабжением. До совхоза ли было перед чисткой! Результат: бывалый человек, быстро приобретающий для себя сведения о дифференциальной ренте, потерял не менее быстро и не менее для себя полезный партбилет.

ПРИЕМ НОМЕР ТРИ — ВАНЬКУ ВАЛЯТЬ

Этот номер — совсем простой, примитивный, применяемый без сложного оборудования, без особой подготовки.

Для исполнения номера третьего надевают что-нибудь ситцевое и, неуклюже покачиваясь, выходят перед комиссией, на которую затем простодушно смотрят широко раскрытыми голубыми глазами (можно и широко раскрытыми карими).

Ответы на вопросы надо по третьему номеру давать возможно коротко и односложно.

Если вопрос задается трудный или невыгодный, то-есть сулящий после ответа на него неприятное изумление комиссии, то на такой вопрос отвечать не следует вовсе. Надо промолчать и смиренно стоять, имея вид невинный, но сконфуженный. Женщина может при этом стыдливо закрыть лицо рукавом.

Например:

— Кто такой Карл Маркс, знаешь?

— Знаю.

— Ну, кто он такой? Расскажи.

(Молчание).

— Ты про Маркса читал?

— Читал...

— Ну, и что же?

(Голоса: «Оробел человек»).

— Читал, это я наверно. Да только забыл. Где же все упомянуть.

— Ну, ладно. А про правый уклон знаешь?

— Это-то знаю.

— Ну, расскажи про правый уклон.

— Правый уклон, это которое против крестьянства. Троцкизм, одним словом. Которые вообще кулаки... И которые... (Молчание. Голоса: «Стесняется. Он читал, да стесняется перед комиссией»). Читал я, конечно, да запомнил. Всего не упомянешь. Не шибко грамотный...

— Вот, не шибко грамотный, а на селе говорят, что был ты учителем до войны в епархиальном училище, а потом был офицером, подхорунжим у атамана Краснова и красных партизан семь шашкой рубал.

(Молчание).

— Да как сказать... (Молчание). Всего не упомянешь... (Продолжительное молчание).

Вообще третий номер за последнее время не проходит.

ПРИЕМ НОМЕР ЧЕТЫРЕ — ОБОРОНА НА ЧУЖОЙ ТЕРРИТОРИИ

Лица, избирающие этот номер, осуществляют старый метод военной тактики: «Защищайся, нападая».

Они стараются встретить чистильную комиссию на пороге, при первом ее приходе в проверяемую ячейку. Встретить и сказать тихо, со злобщей улыбкой:

— Ну, и в гнойничок вы попали!

— А разве что? Вы здесь работаете?

— Да... (вздок)... Имею удовольствие (горькая улыбка) в этой клоаке состоять... (Пауза. Просветленное лицо)... Ну, теперь к счастью, в вашем твердокаменном и испытанном лице партия узнает о том, что здесь творится. Но уж придется вам в этих комбинациях покопаться порядочно!

— А какие комбинации? О чем и о ком вы говорите?

— Да уж известно, какие. Комбинации, одним словом. Тут на людях рассказывать—за каждым словом следят. Если хотите, я вам отдельно, вечером расскажу, что тут творится. Могу на квартиру прийти. Могу вам, для вашего личного облегчения, список заготовить характеристики на каждого. Просто для ваших личных справок! Вообще, располагайте мной, как хотите, что днем, что ночью. Я сейчас не слишком загружен, могу, в порядке чисто добровольном, целиком вас обслужить.

С этого момента надлежит, согласно приему номер четыре, неотступно, тенью следовать за комиссией, подчеркивая, что она имеет перед собой прирожденного борца за самокритику.

Если комиссия по чистке попала слабая, четвертый номер берет ее на буксир, становясь в силу своей таинственности и навязчивости основным источни-

ком информации оценок. Впрочем, та же комиссия, спохватившись что чересчур доверилась склочному разоблачителю, выражает свою объективность тем, что выставляет его из партии особо торжественно. Вот, жди благодарности от людей!

ПРИЕМ НОМЕР ПЯТЬ — ТИШЕ ЕДЕШЬ—ДАЛЬШЕ БУДЕШЬ

Любители и знатоки этого приема разъясняют, что соприкосновение с превосходным и неизученным противником следует избегать как можно дольше. Поэтому они при первых раскатах чистки уезжают в длительный отпуск или командировку либо, что еще вернее, покидают свою ячейку.

Они перебираются в более тихие места и оттуда внимательно изучают обстановку.

Собирают сведения, где чистят, где будут чистить, кто чистит. Выясняют, где чистка помягче и где помягче. Где она тащится на волках и где несется вскачь.

Сами ходят по чисткам и смотрят, как люди чистятся, чего с них требуют, что спрашивают.

Тем временем выискивается учреждение подалеже, поспокойнее, и только там, в наилучше избранных условиях места, времени, людей и погоды, знаток пятого номера осторожно вручает комиссии свой,—увы!—единственный партбилет. Получить-то его долго, а как быстро можно потерять!

Практика, однако, показывает, что и этот столь вдумчивый и осторожный прием не оправдывает себя, наталкиваясь на нескромную любознательность чистильных

комиссий, которые именно к новым, недавно появившимся членам ячейки выказывают особо придирчивый интерес.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

— Что же это получается?—воскликнут те из читателей, что уже и без того встревожены предстоящими испытаниями.— Ни один номер не работает надежно! Куда же деваться! Надо же что-нибудь придумать!

Да, мы разделяем справедливый пессимизм этих восклицаний. Номера изнасились, работать с ними очень трудно. Трудно и опасно.

Есть опыты комбинированной работы: соединять вместе несколько приемов. Например: начать с четвертого (оборона на чужой территории), в опасный момент перейти на номер три (Ванька) и закончить первым номером (сирота казанская). Или начать с того же первого, приберегая в запасе номер два... Нет, и эти дуплеты отживают свой век. Комиссии тоже кое-чему научились.

Есть, правда, люди, которые заявляют и настаивают на том, что вообще никаких номеров не нужно. Что надо идти на чистку без номеров, а там будь, что будет!

Но говорят это главным образом лица, которым вообще на чистке бояться нечего.

Итак, наблевшая проблема продолжает стоять во весь свой исполинский рост. Чистку партии пройти—это, как мы уже указывали выше, не чаю напиться.

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОСТОРОЖНОСТЬ

Рис. Ю. Ганфа

— Чего же вы голову не рисуете?

— Подождем результатов чистки. Может быть, другую голову придется пририсовать.

Рис. А. Топинова

ДАЙТЕ ЖЕ, НАКОНЕЦ, ДОРОГУ ЛОШАДИ!

СРЕДЬ ШУМНОГО БАЛА...

«И если мне небесные черты
Сейчас же не откроешь ты,
То я сорву коварную личину!»
(ЛЕРМОНТОВ, «Маскарад»).

Борисоглебск волновался... Событие захватило всех — и малых, и великих, и знатных, и безвестных, и рядовых, и ответственных.

На два дня почти что приостановилось делопроизводство в учреждениях. До того разыгрались страсти. Счетовод ОРС Павловский заболел. Кассирша Инна Долорез спешно ушла в декретный отпуск. Перестал играть театр.

Ожила только базар. Обычное место

печальных прогулок одиноких борисоглебских уток, на этот раз базар наконец-то подлинно закипел алчущими и жаждущими. Все требовали ваты и красок.

— Ваты и красок! Ваты и красок! Борисоглебск готовился к проработке решений XVII съезда партии...

— Как?! — восклицает пораженный читатель.

Так. Вата и краски понадобились именно для этой цели. Кто не понимает сего, тому остается лишь пожалеть, что он не попал в те дни в Борисоглебск.

Эти строки предназначены не для невежд, а для знатоков партийной работы. Только они подлинно смогут оценить примерную инициативу Борисоглебска.

Итак, город интенсивно готовился к балу-маскараду, посвященному «производственно-политической теме»:

XVII съезд партии.

Вывешанные повсюду афиши (напечатанные в борисоглебской типографии, заказ № 667, райлит № 1042) извещали местных жителей, что:

«маски должны отразить итоги XVII партсъезда».

Обыватель приглашался принять самое горячее участие.

Счетовод ОРС Павловский на самом деле не заболел: он отпросился в официальный трехдневный прогул. Старый маскарадный лев, поражающий своими масками и костюмами даже бывшего городского голову, он решил не сдать и на этот раз. Три дня и три ночи шил он себе партийную маску.

Левый рукав — индустриализация, правый — коллективизация, френч — сверххранний сев, галифе — стратосфера, на голове — пропюлочная кампания.

Инна Долорез — то же. Спина — транспорт, живот — курская магнитная аномалия, грудь — борьба за озеленение города.

А на голове должна была красоваться корова с цитатой из лермонтовского «Маскарада»:

«Вы знаете ли, кто она?

Быть может, гордая графиня или княжна,

Диана в обществе... Венера в маскараде...»

Всех масок не перечислить, ибо «охвачены» были проработкой решений партии почти все местные работники умственного труда. Это и предвидели устроители бала-маскарада, когда писали в афишах:

«В изображении приглашаются все художественные силы города и хозяйственно-политические организации».

Каждый участник маскарада прекрасно отдавал себе отчет, как печально может повернуться дело, если маска не отразит всех партийных установок райкома партии.

Во-первых, он не получит ни одной премии (а их было объявлено десять), во-вторых, он не будет допущен «к выходу масок в зрительный зал», в-третьих, не сможет участвовать в танцах ни в «верхнем фойе» ни в «нижнем фойе», а вместо всего этого будет стоять, как дурак, в публике, уплатив еще предварительно три рубля за билет.

Нет, нет и нет! Поэтому одновременно с шитьем костюмов и масок были пущены в ход и другие средства. Счетовод Павловский нашел ход к самому строгому члену жюри Кузнецову — директору борисоглебского театра. Он с ним предварительно согласовал идею костюма. Инна Долорез срочно познакомилась с капельмейстером духового оркестра (это тоже иногда может иметь значение), а некая совсем, казалось бы, незаметная Маничка Карташева достучалась до самого председателя жюри — до заведующего парткабинетом райкома Казарновской.

Это было сделано секретно, но поди в Борисоглебске сохрани тайну... Весь город знает!

...Вдруг «среди шумного бала, случайно» произошла маленькая неприятность. Она свалилась на борисоглебское руководство, как гром с ясного неба. Рабочие стали срывать афиши. Кто-то погрозил, что сообщит в Москву...

Не прошло и двух часов, как в городе не оказалось ни одного виноватого. Тот не слышал о маскараде, тот слышал, но не придал значения, тот, хотя и дал разрешение печатать идиотскую афишу, но на это было прямое указание другого идиота...

Словом, пострадали только Павловский со стратосферой на левом плече, «Венера» Долорез с коровой на голове да Маничка Карташева. И денги ухлопали на костюмы, и никакого тебе развлечения.

Бедные! Кто выразит обманутым хотя бы легкое сострадание?

А. АГРАНОВСКИЙ

Рис. Бор. Ефимова

Под руководством французского парфюмерного фабриканта Коти, произошло объединение двух фашистских организаций: „Женес патриот“ и „Солидарите франсес“.

— Коти, а как дурно пахнет!

ЗООЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Иностранные газеты сообщают такое:

«Около полугодика назад германское министерство земледелия поручило директору берлинского социального музея, профессору Гильдгеймеру установить, какие собаки породы должны почитаться истинно-германскими, т.е. существующими на территории Германии с древнейших времен.

Профессор Гильдгеймер произвел ряд специальных раскопок на местах, где некогда были расположены древние германские селения и становища. Ему удалось найти большое количество собачьих скелетов и даже хорошо сохранившихся трупов.

На основании этих находок он установил, что некоторые породы собак являются для Германии коренными, другие же были привезены позже из чужих стран и только портили истинно-германскую расу.

Истинно-германскими собаками следует считать согласно проф. Гильдгеймеру датских догов (любимых собак Бисмарка) и жесткошерстных фокс-терьеров, вошедших ныне в моду под названием «Рик» и «Рек».

Надо полагать, что вскоре все собаки «неарийского» происхождения будут вырваны с корнем, и счастливая Германия поднимется на новую ступень национального процветания.

Но, разумеется, одними собаками дело не ограничится. Уж если вырывать, так вырывать. С корнем, так с корнем.

И мы не сомневаемся, что на-днях берлинцы будут свидетелями следующего величественного зрелища.

Прелестный летний день. Берлинский зоологический сад. По тенистой аллее солидно движется авторитетная комиссия по немедленному изъятию и ликвидации всех животных «неарийского» происхождения.

Впереди идет профессор Гильдгеймер. Вид у него строгий, но справедливый. Могучие морщины украшают его великолепный лоб мыслителя и гуманиста. Лоб — Гауптмана с легкой примесью Геринга.

За профессором следует ассистент, а за ассистентом — бравый отряд штурмовиков.

Авторитетная комиссия деловито переходит от клетки к клетке.

Профессор не любит долго раздумывать. Его решения быстры, почти молниеносны. Сразу видно, что почтенный профессор в деле определения арийства и неарийства сел собаку. Разумеется, собаку арийского происхождения; по меньшей мере — датского дога.

- Следующий! — браво восклицает профессор.
- Слон! — также браво отвечает ассистент.
- Вырвать с корнем!
- Почему-с?
- Потому, что еврей.
- Слон — еврей?
- Еврей. Не видите: нос крючком. С корнем!
- Слушаюсь.
- Следующий!
- Страус.
- С корнем!
- Слушаюсь.
- Дальше!
- Лев.
- С корнем!
- Но, простите... Они-с, так сказать, в некотором роде царь зверей...
- Вас не спрашивают. Не видите, — курчавый. Еврей. С корнем! Дальше!
- Соболь-с.
- С корнем!
- Соболя с корнем?
- С корнем. Еврейская фамилия. Дальше.
- Очковая змея.

- С корнем!
- Почему?
- Потому, что это не очки. Это пенсия. Акушерка. Я ее знаю. С корнем!
- Слушаюсь.
- Дальше!
- Дальше аквариум, г-н профессор.
- Сыпьте. Что это?
- Селедка!
- Сами понимаете. Еврейка. С корнем. Дальше.
- Кит.
- С корнем!
- Еврей, что ли?
- Кит — не еврей, но три дня скрывал в своем чреве еврея без прописки. С корнем!
- Слушаюсь.

Через два часа все было кончено. В Берлинском зоологическом саду не осталось ни одного животного. Профессор обвел сверкающими глазами пустые клетки и с удовлетворением спросил:

- Все?
- Все.
- Отлично. А это?

Профессор наклонился к одному из бравых штурмовиков и, надев очки, стал внимательно всматриваться в какую-то точку на его воротничке.

- А это что?
- Это клоп-с... Прикажете вырвать с корнем? Профессор побагровел.

— Вы, кажется, забываете, — воскликнул он патетическим голосом, — что в жилах этого благородного животного течет чисто арийская кровь! Оставить. Посадить в лучшей клетке. Понть. Кормить. Одевать. Обувать. На казенный счет. Мы должны поощрять всех, в ком течет чисто арийская кровь.

Ура!

В Канской ФЭС (Смоленск) среди 1200 вопросов не проверочных испытаниях были вопросы: „Какое познавательное значение „Отцов и детей“, „Какой стала классовая борьба“ и т.д.

Рис. А. Радакова

...СО СТОРОНЫ КРОКОДИЛА:—КОГДА ЖЕ ЭТО БЕЗОБРАЗИЕ, НАКОНЕЦ, КОНЧИТСЯ?

РАССКАЗ О ПРОПАВШИХ СУТКАХ

Козел любил выпить. Во хмелю он не плакал буйными слезами о пропавшей молодости, не пел угрожающих песен и никого не обижал. Он просто подыскивал неподвижную точку на горизонте, смотрел на нее мутным взглядом и засыпал. И делал он это, не считаясь с временем и местом.

Поэтому начальник мозырской милиции не удивился, когда старший милиционер почтительно доложил:

- Опять спит, этот самый...
- Козел?
- Козел, товарищ начальник.
- На посту?
- На посту.

— Согнать с поста, вытрезвить и составить протокол. К чертовой маме таких гадов...

На другой день виновника происшествия допросили и составили протокол. В нем было четко и ясно указано, что фамилия опрошенного Козел, зовут его Арсений Иванович, место службы—мозырская милиция, прибыл в гор. Мозырь из деревни Моисеевки и не отрицает, что, заняв по наряду в качестве дежурного милиционера пост на углу двух центральных улиц, заснул нездоровым и продолжительным сном по причине чрезмерного опьянения.

Милицейская карьера Арсения Ивановича Козла была печально закончена, и через несколько дней, прибавив к своей биографии первую судимость, он был приговорен к безрадостному водворению на несколько месяцев в мозырский исправдом.

Арсений Иванович обиделся, выпил и в последний раз заснул в нелюбимом Мозыре. А проснувшись, осознал, что сидеть в исправдоме скучно, и на скорую руку выбыл из города в неизвестном направлении.

— Посадили Козла?—вспомнил через некоторое время начальник милиции.

— Сгинул, черт,—конфузливо сознался старший милиционер,— не иначе, как в свою деревню затопал. Пьяного человека всегда на родину тянет.

Посмотрели в протокол и обнаружили, что родина исчезнувшего Козла—не далеко и называется Моисеевкой. Срочно туда была снаряжена целая экспедиция для изытия Козла из обращения. Она благополучно миновала пахиты, нивы и овраги, отделяющие Мозырь от места ее назначения и, обливаясь потом, победоносно вступила в Моисеевку.

— Подавай Козла,—хмуро заявил начальник экспедиции, подозрительно посмотрев на слегка оробевшего члена сельсовета,—ничего укрывать. За это и ответить можно.

— Нам укрывать не к чему,—опасливо отозвался член сельсовета,—а ежели вам Козел нужен, так идите прямо, потом налево, тут, где колодец, там он и есть—Козел.

В указанном месте экспедиция и нашла Козла. Навстречу ей вышел молодой парень, только что вернувшийся с полевых работ, усталый, загорелый, и без опаски посмотрел в лицо грядущей опасности.

- Козел будешь?
- Козел.
- Арсений Иванович?
- Арсений Иванович.

— Тебя и нужно. Собирай монетки и айда в Мозырь. По тебе исправдом плачет. Из-за тебя, черта беглого, по какой жаре шагали...

Арсений Иванович Козел почесал за ухом и миролюбиво спросил:

— Может, ошиблись, граждане? Тут у нас еще один Козел был и тоже Арсений Иванович.

— В городе разберут, какие Козлы бывают,—сурово заметил начальник экспедиции.—Сказано—собирай, что надо, и шагай за нами.

— Что же это, братцы... С работы человека тянете!—взмолился парень.—Вы хоть приметы посмотрите... Не я же это же.

Посмотрели приметы.

— Действительно, как будто не рыжий и годов на двадцать помоложе,—задумчиво сказал один из экспедиции, порывшись в бумагах,—может, и правда не он?

— Начальство знает, кто рыжий и кто не рыжий,—строго отрезал глава экспедиции Пантлсенко,—собирай монетки!

Колхозника Козла повели в Мозырь. По дороге он тоскливо оглядывался назад, на исчезающую за лесом Моисеевку, вспоминал о прерванной работе на поле и пытался догадаться, почему именно о нем плачет мозырский исправдом.

— Козел?—спросил его уже в городе инспектор милиции Тадашевич.

— Козел,—вздыхнул парень.

— Арсений Иванович?

— Арсений Иванович.

— Ну, так и есть,—неодобрительно посмотрел на него инспектор и заглянул в дознание,—водку пил, на посту спал, в исправдом приговорен, из города бежал... И это называется милиционер... Отведите его в камеру.

С парня крупными каплями покатился пот.

— Какой же я милиционер, товарищ начальник? Колхозник же я. Не пьющий я... И насчет сна тоже лишнее говорите...

— Так, так. Все, значит, неправы,—совсем сухо заметил инспектор,—он и не пил, он и не спал, он и не убежал... Вы бы лучше не отпирались, гражданин. Не поможет это.

— Да кто же отпирается... Я говорю—с работы сорвали... Время горячее...

— У всех время горячее, гражданин, а вы из городов бегаете. Молчали бы уж. Козел? Козел. Арсений? Арсений. Иваныч? Иваныч. Из Моисеевки? Из Моисеевки. Чего вам еще надо? А вы еще говорите.

— И буду говорить,—уже в отчаянии заявил Козел-второй.—Вы бы на приметы взглянули, товарищ начальник.

— Приметы? А ну, посмотрим... Так... Рыжий. Ага. А вы уверены, что вы не рыжий. Уверены? Допустим, что на этот раз вы правы. Сорок пять лет. Хорошо сохранились для вашего возраста. Что? Двадцать пять лет вам? Это не оправдание. Придется отсидеть.

— Не хочу я сидеть. Не надо мне сидеть.

— Ну что за люди!—скорбно вздохнул инспектор.—Как вы не можете понять? Козел вы или не Козел? Арсений Иванович вы или Василий Васильевич? Арсений Иванович. Из Моисеевки вы или из Самарканда? Из Моисеевки. Чего вам еще надо. Я больше не могу!

Собрался милицейский консилиум. Козла-второго только-только не брали наошупь. На него сморгели в профиль и анфас, убеждаясь, что он действительно не рыжий и не притворяется брюнетом. Путем перекрестных допросов выяснили, что ему не сорок пять, а двадцать пять лет. Пока, наконец, сослуживцы Козла-первого категорически заявили:

— Не тот Козел. Хоть убей, не тот.

Козла решили отпустить. Не без некоторой обиды. Сами понимаете: Козел? Козел. Арсений? Арсений. Из Моисеевки? Из Моисеевки...

Отпуская, Козлу заметили с явным раздражением:

— Вы что же, гражданин, не указали при уходе вас, что вы не тот?

— Да я же говорил,—отозвался уже ликующий на свободе Козел.—А они не слушают. Я так и сказал—не рыжий я...

— Сказать—этого мало. Надо подтвердить документами. Только людей путаете. Серость. Темнота. Идите уж. Сколько времени с вами зря пропало...

С этим Козел молчаливо согласился. Пропали хорошие рабочие сутки во время горячих полевых работ. Пропало то, что всего дороже и возврату не подлежит,—время.

Козел оказался покладистым, миролюбивым парнем. Придя обратно в Моисеевку, он встал в работу и жалобы не подал. Отнесся ко всему, как к досадному анекдоту.

И напрасно. Если бы мы эти пропавшие из-за чужого разгильдяйства сутки колхозника считали анекдотом, мы так пространно не рассказывали бы о них читателям. Мы против утверждения поэта: «Видных нет,—все люди правы в такой благоуханный день». Виновные есть, и особенно в такой благоуханный день. За время надо бороться. И где бы у вас это ни украли разгильдяи—на улице, в учреждении или в колхозе,—все равно это кража. А за нее надо отвечать.

БОТИНКИ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ

Старая Герда еле успела отшатнуться.

Мимо нее стрелой пронесся Людвиг Крегенер. Он совсем запыхался. С его необычно покрасневшего лица градом текли крупные капли пота. Из подмышки у Людвиг предательски выглядывала пара ботинок.

Словно по какому-то наитию, Герда посмотрела на ноги Людвиг и увидела и на них пару ботинок. Быстрая на заключения старая нищенка тяжело вздохнула, понимая поджала свои тонкие бескровные губы и решила не входить в заманчиво распахнутые двери веселого кирпичного пасторского домика. Зачем отвечать за чужие грехи?

— Две пары ботинок,—думала Герда, стараясь поскорей убраться подальше от пасторского дома,—две пары ботинок—это слишком много для одного честного безработного. И подозрительно много для человека, который всего несколько минут тому назад входил в пасторское жилище с одной парой вконец стоптанных штиблет на ногах.

— Воровать у пастора! Фу!—Герда была честной нищенкой. У пасторов она ничего никогда не украдала. Это было против ее религиозных и социальных убеждений.

Между тем, Крегенер уже успел добраться до дома. Тяжело дыша, он еще машинально держал подмышкой ботинки, присел за стол и начал вытирать обильный пот.

— Опять ничего не достал?—безнадежно спросила жена.

— Как тебе сказать,—пробормотал он и вытащил из подмышки ботинки.—Кое-что есть...

— Откуда они у тебя?—удивилась жена и пылливо посмотрела на смущенного Людвиг.

— Только, пожалуйста, не сомневайся, Лаура,—ответил он, запинаясь,—эти ботинки подарила мне божья мать...

Лаура горько улыбнулась. И расплакалась.

— Ты всегда был честным человеком, Людвиг...

Людвиг огорченно вздохнул и начал подробно и воодушевленно рассказывать жене происхождение таинственных ботинок.

Очевидно, рассказ мужа вполне удовлетворил Лауру. Слезы высохли на ее лице. Она повеселеела. Поцеловала мужа. Потом, накиннув на плечи ветхую шаль, выбежала из квартиры рассказывать соседкам чудесную историю о ботинках божьей матери.

Гетеборн—не Стокгольм. Гетеборн—город небольшой. Куда меньше Стокгольма, и через полчаса весь квартал знал о новоявленных ботинках Людвиг Крегенера. На следующее утро о них говорил весь город.

— Вы знаете Людвиг Крегенера? Боже мой, ну, безработный монтер. Высокий такой. С улицы Густава Адольфа, знаете? Так вот приходит он вчера на квартиру к пастору Койсту, а Лотта—пасторова служанка,—конечно, его не пускает. «Много, говорит, тут безработных бродит. А господин пастор только с проповеди вернулся. Устал. Вам же, господин Крегенер, и подавно стыдно обращаться к пастору за помощью. Небось, когда имели работу, ни разу в церковь не заглядывали. Стыдитесь, сударь».

Человек поприличнее, конечно, взял бы и ушел. Ну, а Крегенер, естественно, остался и поднял крик. Подать ему пастора—и никаких.

И вот выходит господин Койст и вежливо приглашает его в комнату.

— Что вам угодно?—спрашивает его пастор усталым голосом и усаживает в мягкое кресло.

— Дайте мне хоть сколько-нибудь денег, я уже давно без работы, семья...—и так далее. Словом, обычный трафаретный ответ безработного просителя.

— Но у меня, господин Крегенер, нет денег. Я вам, к сожалению, ничем не смогу помочь,—мягко, заметьте, очень мягко отвечает пастор.

Крегенер не успокаивается.

— Посмотрите на мои ботинки, господин пастор, сегодня я их ношу последний день. К завтрашнему дню они безусловно окончательно развалятся, и мне не в чем будет ходить искать работу. Кто доверит тонкую механическую работу босому монтеру. Вы же можете, в конце концов, господин пастор, помочь мне. Мне нужно завтра же купить себе ботинки...

И тут, милая моя, происходит нечто совершенно неожиданное. Пастор на минуту задумывается. Потом его лицо озаряет какая-то неземная улыбка. Он быстро нагибается, расшнуровывает свои ботинки и подает их Людвиг Крегенеру.

— Возьмите их, сын мой. Они, правда, подержанные, но еще достаточно прочные. В них вы сможете ходить искать работу не меньше шести месяцев...

Ну, конечно, Крегенер, на что уже человек всю жизнь пасторов не любил, прослезился и говорит:

— Да спасет вас господь, господин пастор, за вашу доброту!..

А пастор в ответ:

— Не меня благодарите, сын мой, а пресвятую божью мать. Когда вы зашли ко мне и потребовали, чего тут скрывать, не попросили, а потребовали помощи, я сначала хотел вам отказать. Зачем,—думал я,—помогать вам, неверующему, когда есть столько нуждающихся и голодающих верующих. И вот в тот самый момент, когда я уже окончательно было решил отказать вам, ко мне явилась пресвятая божья мать и сказала:—Сними с себя ботинки и отдай их Крегенеру, дабы и он уверовал в милость божию.

— Вы—святая,—сказал растроганный Крегенер,—вы отдаете свои ботинки, как какой-нибудь апостол...

Но господин пастор скромно, очень скромно возразил:—Я только обыкновенный и весьма заурядный служитель божий.

И в носках смиренно проводил Крегенера до самых дверей. Как какого-нибудь графа...

Это очень трогательный случай. Все подробности вы можете, милая моя фру, прочесть в сегодняшней газете...

Действительно, в гетеборгской газете вся эта история была подробно освещена. Газета поместила подробные интервью с пастором Койстом, с Людвигом Крегенером, с его женой Лаурой.

Пастор снова заявлял, что он только скромный слуга божий. Крегенер раскаялся в своем былом атеизме и сравнивал пастора с Иоанном Крестителем. Лаура присоединялась к заявлению мужа.

Интервью были украшены фотографиями. Пастор был снят во весь рост. На его ногах блестяли новые ботинки.

Пастор Койст вышел в славу. О пасторе Койсте благосклонно отзывались в высших церковных кругах. Его ставили в пример. Поговаривали о его продвижении вверх по служебной лестнице.

Когда нужно было выдвинуть популярного оратора для отпора разрушительной коммунистической агитации, выдвигали, конечно, пастора Койста. Койста любила полиция, любило портовое начальство, любил фабриканты. Все любил пастор

ра Койста, и пастор Койст тучнел и обрастал жиром и популярностью.

И вот, наконец, пришло время подвести баланс годовой работе церкви пастора Койста. Приходский совет был полон самых радужных соображений. Каждая проповедь господина Койста давала битковые церковные сборы. Пастор всегда был красноречив. Слава и растущие доходы церкви развили в нем этот божий дар до крайних пределов.

Ожидания не обманули членов приходского совета. Баланс сделал бы честь любой самой respectable стокгольмской церкви. Приходная и расходная книги были найдены в полном порядке.

В день явления пастору пресвятой божьей матери им была внесена в книгу запись:

«На пожертвование безработному Людвиг Крегенеру пары ботинок расход десять крон».

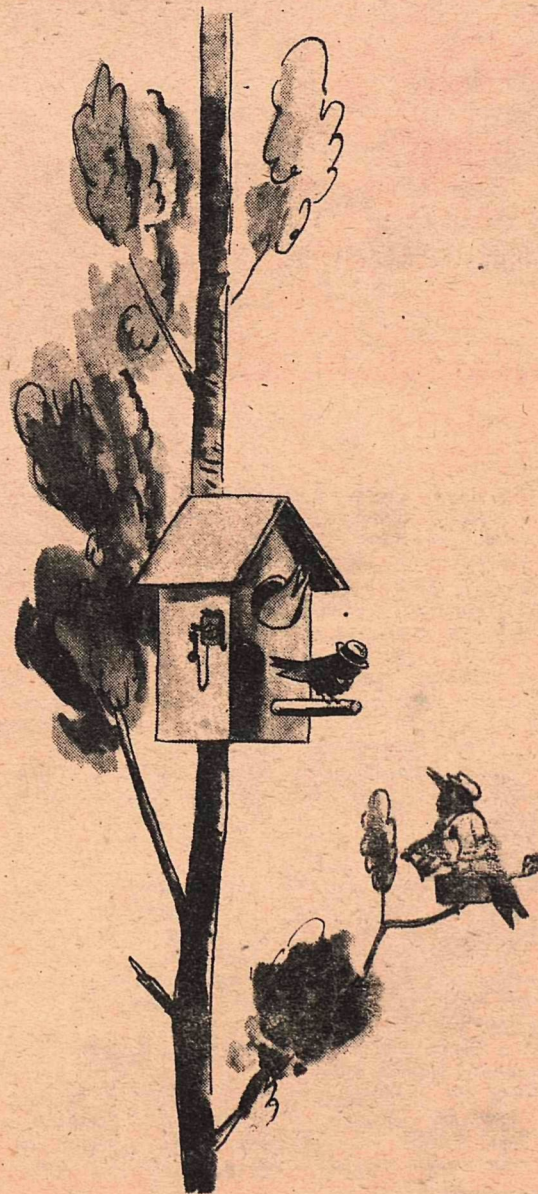
Таким образом явление божьей матери ошастливило не только Людвиг Крегенера. Божья мать в неисчислимой благодати своей помогла милосердному пастору обменять сильно поношенные ботинки на новые. На те самые, в которых он снимался для газеты на другой день после явления богородицы.

Впрочем, об этом уже в газетах не писали.

Л. ЛАГИН

БЛАТ В ПЕРНАТОМ ЦАРСТВЕ

Рис. Л. Бродаты

СНВОРЕЦ:—Только отвернулся, а этот тип—воробей—по благу влетел в мою квартиру.

Рис. А. Топикова

— Проведемте, друзья, этот час веселей!

Б Р Е М Я С Л А В Ы

Это было давно. В прошлом году. Дирекцию Московского энергетического института нечаянно осенила правильная мысль:

— Отметить ударников учебы.

Думали, думали и решили:

— Дать им усиленное питание.

Еще раз думали и постановили:

— Выдать им на «третье» в качестве усиленного питания черный кофе.

Прошли дни, недели, месяцы. Ежедневно, с такой же аккуратностью, как восходит солнце, лучших студентов института поили черным кофе.

Худшие студенты, лентяи, отстающие — те блаженствовали: у них почти каждый день другое сладкое.

Ударникам же — в любое время года, в любую погоду — черный кофе.

Жизнь идет вперед. Осеннюю непогоду сменила суровая зима. Ушла зима, уступив место жизнерадостной весне. За это время мы поднялись в стратосферу. Завели троллейбусы. Побывали в Ванкареме и бухте Провидения. Сделали ряд научных открытий. Пospорили о языке. Провели конкурс ткачих.

А в Энергетическом институте все по-старому — холодный черный кофе.

Если вы случайно встретите в Москве человека, который начинает дрожать при упоминании о кофе, знайте: это ударник учебы, лучший из лучших среди студентов Московского энергетического института!

Не спит и не дремлет тов. Дудкин, директор института. А когда ему не спится, он думает об ударниках.

— Как бы для этих хороших парней и милых девушек создать красивую жизнь? Как бы прославить их в веках?

Готово! Выдумал! Внести их имена в красную книгу почета!

Откровенно говоря, всякому хочется вкусить хоть небольшой ломтик славы. Ударники обрадовались. Наконец-то, их по-настоящему отметят. И каким это явится стимулом для повышения в институте качества учебы!

Но восторги быстро прекратились. Тяжелые дни настали для институтских ударников.

Всех их немедленно оторвали от учебы, от любимых книг, от общественной работы, от родных и знакомых и засадили писать мемуары.

При чем каждому дан проспект из двадцати четырех тезисов. Отрешись, братец, на время от жизни, сиди и, аки грешник, вспоминай и записывай всю прошлую жизнь свою, родителей, жизнь братьев, сестер, дядюшек, тетушек.

Восьмой тезис гласит:

«Возраст отца, матери, если они живы».

Круглые сироты освобождаются от вопроса. Но если у тебя имеются родители, то все зависит от их возраста, — заносить ли тебя в книгу почета или не заносить. Если, например, отец переросток, то сын его недостоин такой чести.

Тезис № 13 категорически требует указать:

«Состав семьи, кроме отца и матери, до поступления в институт студента».

До поступления. А если случилось прибавление семейства после поступления, это не влияет на занесение студента в книгу почета?

Если ты герой и достоин славы и почестей, то,

будь добр, познакомить нас подробно со всей родней:

«Кто из состава семьи и чем занимался и занимается (указать должность и возраст каждого)?»

И вот у ударника учебы появилась новая, хотя и малонаучная работа. Он пишет письма в Конопот — дяде Михаилу, в Рязань — тете Аграфене, на ст. Химки — двоюродному племяннику Егору. Он просит их незамедлительно сообщить ему, живы ли они и здоровы, а если живы, то сколько им и их домохозядам лет, а если здоровы, то где они работают.

Предположим, студент захочет отделаться только теми родственниками, которые живут в его доме. Ему это замазывание не удастся.

Потому что следующий тезис гласит:

«Кто из состава семьи в настоящее время живет отдельно от семьи?»

Дальше следует пункт, который ввергает студентов в большое смущение: «Холост или женат?» Кому же при введении в храм славы будет отдано предпочтение — женатым или закоренелым холостякам?

А если женат, то дирекция должна знать, квартируешь ли ты отдельно от жены или мужа (если они живы) или нет?

«Если женат, то указать количество членов семьи, живут ли они вместе со студентом...»

Книга почета для ударников учебы — хорошее дело. Но если оно попадает в руки бюрократов, они способны так же, как и в случае с черным кофе, превратить его в тошнотворный напиток.

Г. РЫКЛИН

Рис. Б. Малаховского

— Поедем лучше морем, — на шоссе укачает.

ЗАНЯВ ГОРОД, ПРИКАЗЫВАЮ...

Мы — за использование литературного наследства классиков. И ничего не имеем против того, чтобы самарские работники прилавка посмотрели в местном театре «Власть тьмы» Льва Николаевича Толстого.

Но и классическое наследство нельзя распределять в принудительном порядке. С наследством надо быть осторожнее.

Повидимому, краевой союз работников госторговли и кооперации в Самаре несколько не разделяет нашей осторожности. Во всяком случае, его председатель т. Фомин, который по поводу толстовской пьесы разослал низовым организациям распоряжение, напоминающее по тону приказ о сдаче оружия в прифронтовой полосе, после лихого занятия укрепленного пункта. Текстуально приказ этот гласит так:

Копия

Крайком Союза
РКГТ.
8/У-34 г.

7.Самара

Председателю ОКМ

Ф.И.С.Фомин

Краевой комитет союза РКГТ категорически предлагает вам распространить 10 билетов в Драмтеатр на постановку «Власть тьмы» на 9 мая с.г.

Сумма не распространяемых Вами билетов будет отнесена за Ваш счет и будет рассмотрена, как недооценка культурного обслуживания членом союза.

Председатель Союза
РКГТ - /ФОМИН/.

ВЕРНО: *Иванов*

Хорошо еще, что у Льва Толстого, кроме «Власти тьмы», из драматических произведений есть еще только два. А что будет, когда т. Фомин возьмется за внедрение Островского в принудительном порядке? Вот-то будет широкое поле деятельности!..

ЛЮБОВЬ БЕЗ СПРАВКИ

Г. С. любил. Любовь еще, быть может, в его душе угасла не совсем. Но пусть она — как говорит цитируемый нами поэт — вас больше не тревожит.

Достаточно и того, что любовь Г. С. Милокова, скромного служащего завода № 8 Мосштампа, встревожила его домоуправление. Собственно говоря, даже не любовь. Против этого высокого чувства домоуправление № 43 по Астраханскому переулку не возражает. Исправный жилец, аккуратно платящий за воду и не вывертывающий лампочек на лестнице, имеет право любить. Но Г. С. Милоков обманул доверие домоуправления. Г. С. захотел жениться. А женившись, ввести молодую супругу в дом и делиться с ней не только радостями и горем жизни, но и принадлежащей ему по праву жилплощадью, ванной общего пользования, видом на Астраханский переулочек и коммунальными услугами.

Г. С. не просил у домоуправления усыпать его путь из загса цветущим хмелем и розами. Он не просил управ-

дома благословить его образом бывшего Николая Мирликийского. Г. С. попросил у домоуправления только справку для загса о том, что он — Г. С. — обитает именно в этом доме. Без этой справки не скрепляется счастье трудящихся в стенах загса.

— На ком жениться, — хмуро спросил Г. С. в домоуправлении № 43, — на приходящей супруге или на постоянной?

— На постоянной, — необдуманно ответил Г. С.

— Значит, вы ее в дом вводите? Нельзя. Этак каждый жениться начнет. И из номера сорок первого женится. И из девятнадцатого. И в двадцать седьмом ответственный жилец на выданы. И каждый жену в дом приводить начнет? Дом не резиновый. Нельзя. Попробуйте лучше не жениться.

Г. С. не захотел пробовать. Тогда домоуправление № 43 выдало ему следующую справку:

34 Довольный трест

Соколовского района

Домоуправление № 43

Астраханский пер.

д. № 115

отд. № 45

1934 г.

Справка №

Выдана гр. *Милокову Г.С.*

в том, что *ему домоуправление*

разрешает жениться,

на жену ее привезенную

на свою жилплощадь по адресу

Астраханский пер. д. № 115 кв. 18

Справка дана для

БРИТЬЕ КАК ВЫПАД

Нужно прямо сказать, что бритва далеко не безопасное оружие в неумелых руках. Вдруг человек возьмет и побреется. Ему, конечно, ничего, но каково соседней парикмахерской? Один дома побреется, другой дома пострижется, третий еще пиксафоном себя полить будет, а парикмахерская — нарзаном торгуй, что ли?

И тем не менее, еще ни одна группа организованных парикмахеров не апеллировала к общественности с призывом считать бритве и стрижку на дому выпадом классового врага. И чтобы за это наказывали со всей неумолимостью. Вплоть до...

Этот промах сразу же заметил директор Хабатовского крахмало-паточного завода т. Каплин и решил положить конец попустительству. Четвертого мая он издал следующий приказ по вверенному ему заводу:

„ВВИДУ ОТКРЫТИЯ ПАРИКМАХЕРСКОЙ ПРИ ЗАВОДЕ КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩАЮ ПРОИЗВОДИТЬ СТРИЖКУ И БРИТЬЕ ЧАСТНЫМ ПОРЯДКОМ. ОБЯЗЫВАЮ КОМЕНДАНТА ЗАВОДА БОТАРЕВА И ЛЕКПОМА ЧИКИНА НАБЛЮДАТЬ ЗА ЭТИМ И ПРИ ОБНАРУЖЕНИИ БРИТЬЯ НА ДОМУ СОСТАВЛЯТЬ АКТ И ДЕЛО ПЕРЕДАВАТЬ В СУД ДЛЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И Взыскания ШТРАФА.“

Директор КАПЛИН
Верно. Секретарь МЕШКОВ“.

Мы не знаем, открыта ли при заводе баня. Если таковая имеется, просим в срочном порядке известить нас, не издан ли уже приказ о запрещении мытья на дому, и как упомянутое мытье преследуется: в уголовном порядке или в порядке гражданского иска к вымытым?

ДУХОВАЯ ОРКЕСТРА

Будем считать, что города Дербента нет. Это мы его выдумали. И райлита в нем нет, который обязан просматривать афиши. И клуба строителей нет, который обязан заботиться о культурных развлечениях. Ничего нет. Даже борца Гаджи Юз-Бекли-И-Али-Казбека и того нет, что все это — плод нашей легкомысленной летней выдумки. Помиримся на этом.

Иначе кто же поверит, что в городе Дербенте, на главной улице, пропущенная местным райлитом появилась следующая афиша, призывающая... трудящихся в клуб строителей:

6/14 КЛУБ СТРОИТЕЛЕЙ 6/14
1934 г. 1934 г.

ГОСТРОЛЕР БОРЦА ДАГЕСТАНА ГАДЖИ ЮЗ-БЕКЛИ И АЛИ-КАЗБЕК

ПОКАЗЫВАЕТ по Дерковой физический номер.

ПРОГРАММА

- 1 25 номеров и подгарами.
- 2 ломает столбы каждой стороны 8 человек
- 3 ломает на груди камни от 15 пуд. до 25 пуд 4 5 человек с каждой стороны танут рубли 5 Делает поесс двух дюймовой желегалб полтаре- дюймовой желез зубами сагнет 7 дюй новой успеа делает пуружник на руках 8 поднимает зубами обедиОе сто с верку 4 пуда гпри 9 поднимает содной с одной рупой одли человек 10 Становится как мост удерживает 5 человек
- 11) На Нагах держит 6 человек 12 равных Номеров

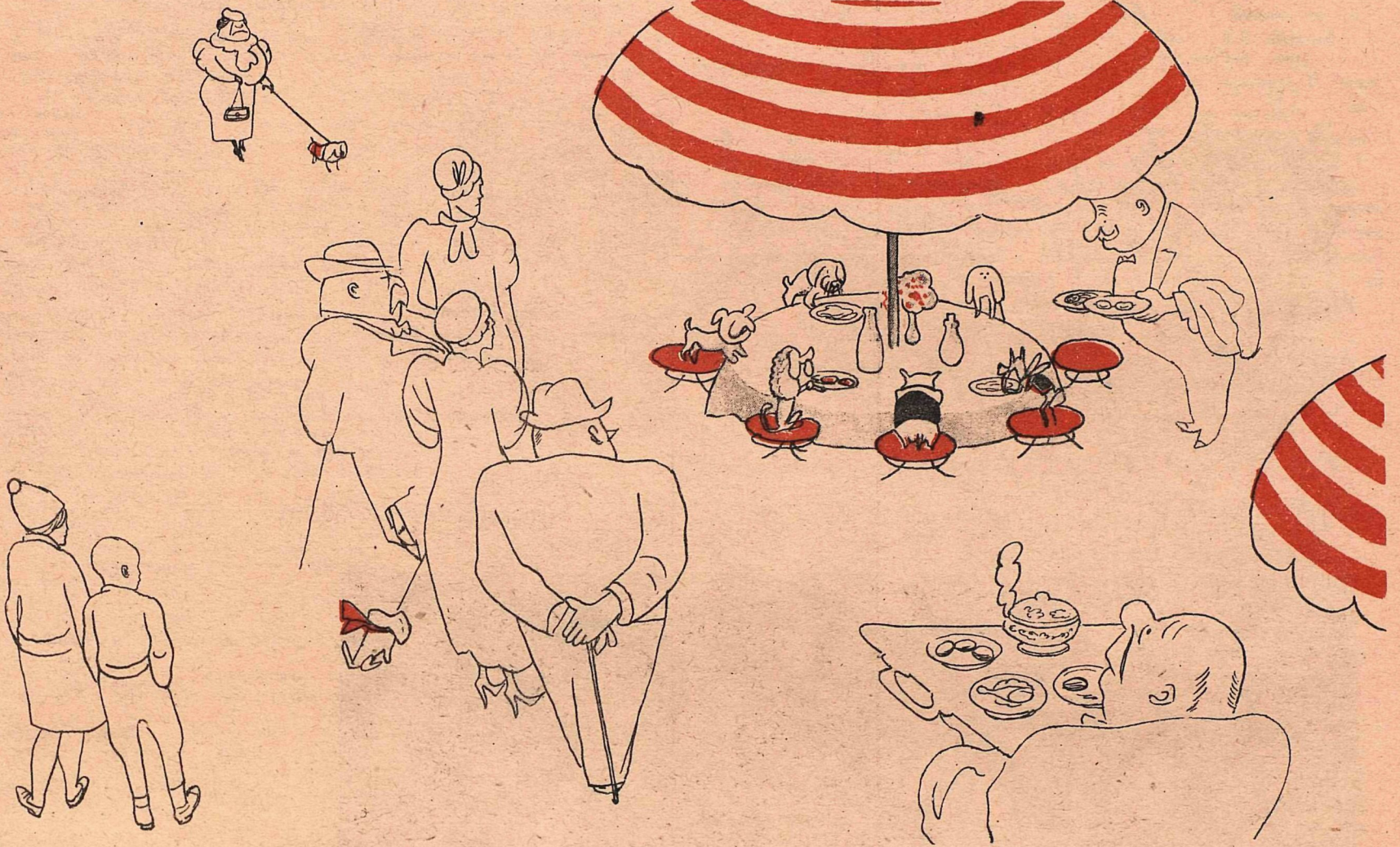
И ТАНЦ С ДУХОВОЙ ОРКЕСТРОМ

НАЧАЛО В ЧАСОВ ВЕЧЕРА НАССА ОТКРЫТА В 4 ЧАСОВ

10 Нужно прямо сознаться в нашей неосведомленности, до сих пор мы еще не знаем, чем закончилось это дело и согласился ли загс подтвердить женитьбу. Но мы знаем, что сутяж-

ничеству домоуправлений надо положить конец. Пусть домоуправления следят за водосточными трубами и паровым отоплением, а любить и жениться трудящиеся смогут и без них.

Рис. Л. Бродаты

— Смотрите, какие добрые собачки: сколько они оставляют костей для безработных.

СЛАВНЫЙ ГОРОД НЮРЕНБЕРГ

Эразм Роттердамский с ответственностью за свои слова утверждал:

«Жители древней Беотии и Абдеры заслуженно славились своей умственной ограниченностью».

Если бы Эразм Роттердамский жил в наше время, он бы не стал обижать ни Беотии ни тем более Абдеры. Двух древних стран слишком много для доказательства чьей бы то ни было глупости. Для этого достаточно остановиться на одном сегодняшнем городе Нюренберге, его бургомистре, его публицистах, медиках и нескольких штатных мыслителях. Эта небольшая, но хорошо сплоченная группа сразу развеет, как дым, славу и Беотии и Абдеры.

Первое место в ней принадлежит бургомистру. Не сходя с места, нюренбергский бургомистр ежедневно по утрам, вперемежку между кофе и чтением иногородних фашистских приказов, изрекает такие сентенции:

«Евреи моются в городских банях. Не следует ли, в видах общественной безопасности, отвести для них специальные часы?»

Походив после этого афоризма по просторному кабинету и почесав живот, нюренбергский бургомистр вдумчиво переходит к следующему афоризму:

«Является ли мясо германским мясом или же, если оно прибыло из другой страны, — это не одно и то же. Последнее делает человека больным и ослабляет расу».

Перед третьим афоризмом нюренбергский бургомистр звонит к редактору журнала «Национальное здоровье»:

— Пишете?

— Пишу, пишу, герр бургомистр. Замечательная мыслишка мелькнула. Разрешите прочитать абзац из свеженькой статейки. Слушайте:

«Приписывать почти все болезни бактериям, проникновения которых в организм мы не можем предотвратить, — серьезная научная ошибка».

— Здорово, — сочувственно вздыхает бургомистр, — значит, без бактерий жить будем? И правильно. Чужеродная бактерия лезет в арийский организм, а мы уж и рады... А чему приписываете?

— Серьезную научную ошибку? А вот дальше слушайте:

«Многие химические препараты с дьявольским искусством изготавливаются марксистскими учеными и распространяются еврейскими фабрикантами, которые ищут способа ослабить белокурую расу».

— Ну, ясно, — соглашается бургомистр, — здесь не без этого. Я эти прививки знаю. Возьмите хоть — от бешенства. Ходил бы да ходил чело-

век в бешеном виде, а тут уколы всякие, вакцины, глядишь, и ослабевает белокурый человек. Пиво пить с брандмейстером пойдете, доктор?

— Звонил к нему. Занят. Приказы насчет арийских пожаров пишет.

А нюренбергский вершитель пожарных дел действительно занят и действительно пишет приказы, один из которых недавно опубликован в нюренбергских газетах:

«Спасая во время пожара имущество, учти: арийское оно или еврейское. Это долг каждого патриота».

И не с кем пойти пить пиво автору этих забываемых слов. Все заняты. Начальник телефонной станции тоже в муках творчества. Крупным готическим почерком выводит он свежий приказ нюренбергским работникам проволоки:

«Телефонисты, употребляя имена для обозначения букв, должны еврейские имена заменить германскими словами. Вместо Давид — Дейчланд; вместо Натан — Националь и т. д.».

— А вдруг надо передать имя Авраам? — жутко пронесется у него в мозгу. — Неужели на одно еврейское имя тратить столько национальных слов? Надо бы вообще запретить. Пусть называют Авраама Гансом, а Рахиль — Кунигундой... Посоветоваться бы с кем?

Но советоваться не с кем. Все заняты. Комиссар учебных заведений пишет распоряжение «о внесении в арифметику арийского духа». И тут же составляет пробную показательную задачу:

«Два нибелунга купили по пяти панцирей, а четыре валькирии — по семи кольчуг. Сколько будет всего кольчуг и панцирей, если они снимут еще по две кольчуги и по четыре панциря с одиннадцати евреев?»

Ах, Эразм Роттердамский, бросьте вы говорить о Беотии и Абдере. Далеко им до города Нюренберга...

„ВЕЛЬМОЖА“

Известно всем, что есть „вельможи“,
Подчас впадающие в раж:

— Мне? Торговать?

Да что вы?

Боже!

Ведь у меня партийный стаж!

Случилось так:

В саду весною

„Вельможу“ встретила любовь.

— Садись на лавочку со мною. —

Она сказала, сдвинув бровь.

„Вельможа“ бедный чуть не взвыл

И сел у ног ее...

На травку.

Он так торговлю не любил,

Что счел позором сесть на лавку.

ГЕНРИХ ЦАЙНЕ

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

А К Р И Т И К А В С Е Н Е Т!..

В своей книге «Очерки истории русской литературы XIX и XX веков» Л. Войтоловский перечисляет «несложные варианты дворянских типов», созданных Пушкиным.

Это — «Онегин, Ленский, Герман, Томский, князь Елецкий».

У Пушкина князь Елецкого нет. Означенный князь (жених Лизы) встречается только в опере Чайковского «Пиковая дама». Но не Пушкин, отнюдь не Пушкин сладил это сватовство!

Рассеян был наш критик Войтоловский.

Хоть к книгам он всегда любовь питал,

Он твердо знал,
что написал Чайковский,

Но позабыл,
что Пушкин написал!

Поэт Николай Браун в одном из последних номеров журнала «Звезда» восклицает:

Мне надобности нет корезить кости,
Ломать походку, выправку, покрой.
Мне сжечь еще один какой-то мостик —

И я в грядущем буду с головой.
Нам думается, что поэт может себе позволить роскошь «быть с головой» не только «в грядущем», но и в настоящем.

В своем стихотворении «На хуторе» Джек Алтаузен пишет:
Пушкин! Если б жил ты снова
В наши жаркие года,

Ты б «Бориса Годунова»
Не закончил никогда.
Ты б, как я, блуждал по миру,
С патронташем шел со мной,
Ты б свою живую лиру
Нес с винтовкой за спиной.

Мы позволяем себе закончить обращение Джека Алтаузена к Пушкину следующим восьмистишием:

Ты б «Полтавой» не кичился,
Стал бы скромным ты совсем.
У меня бы научился
Ты писанию поэм.
И частушки б коротушки
Начал ты, как я, писать.
Словом: Джеку Шурка Пушкин
Стал бы дико подражать!..

Еще не так давно тот же Джек Алтаузен писал о безусых энтузиастах. В

«Оде молодости» он пишет об... усатых энтузиастах:

Я — парнишка
Чернобровый.
Мне в карьер нестись
Добро бы...
...Так, чтоб
Свист летел из уст,
Чтобы мне
Семен Буденный
Отдал
Свой роскошный ус.

Но на что чернобровому парнишке один ус, хотя бы и роскошный? Не красиво. Мальчишки засмеют.

Джек Алтаузен так бесчеловечно изуродовал чернобрового парнишку только потому, что слово «уст» со словом «усы» не рифмуется.

А можно было бы легко выйти из неловкого положения:

Я — парнишка
Чернобровый.
Мне в карьер нестись
Добро бы...
Только надо
Для красоты,
Чтобы мне
Семен Буденный
Отдал
Все свои усы...

Из «сонаты» Ильи Сельвинского «Сивашская битва»:

На карте Крым себя заковал,
Шверпункты броней залив;
Юшунь,

Перекоп,
Турецкий вал,
Залив, п
е
р
е
ш
е
с
к, залив.

Мы обращаемся к Илье Сельвинскому с дружеским советом:

У вас есть с
о
б
с
т
в
е
н
н
ы
й словарь,
так нечего прибегать к п
р
и
е
м
а
м
символистов!

В «Малой советской энциклопедии» писателя Зоценко зовут Михаил Иванович (вместо Михаил Михайлович).

С этакой МСЭ
Доберемся, пожалуй,
Мы до черты
Роковой:
Если такие
Ошибочки —
в «Малой»,
Что ж тогда
Будет
в «Большой»?!

МИХАИЛ ПУСТЫНИН

ВЕНЕРА 1534 ГОДА И ЗЕРКАЛО 1934 ГОДА ПРОИЗВОДСТВА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ЗЕРКАЛЬНОЙ ФАБРИКИ

Рис. М. Черемных

ВЕНЕРА:—Боже мой! Какя изменилась за последние четыреста лет...

СРОЧНО ТРЕБУЮТСЯ ПРИНЦЫ

НЕ ВЕЗЕТ АЛЕНУШКЕ...
(как, впрочем, и многим отдыхающим)

Фотомонтаж Б. Клинка
(по картине В. Васнецова)

Когда я перечитываю сказку о спящей красавице, меня всегда занимает одна мысль: ну, хорошо, ну, все заснули, как только принцесса уколола пальчик. Ну, спали сто лет, пока не явился принц и не чмокнул вздремнувшую красавицу в так называемые сахарные уста. Допустим.

Но за сто лет, — представляете себе, — сколько скопилось пыли:

- а) на замке,
- б) на уснувших придворных и
- в) персонально на принцессе?

Мне момент поцелуя рисуется так: принц приближается к спящей красавице, сравнительно быстро убеждается в том, что девушка, так сказать, ничего себе, наклоняется для поцелуя, но быстро откидывается. Он проводит по щеке красавицы пальцем, глядит на палец, обнаруживает на упомянутой щеке двухсантиметровый слой пыли и укоризненно качает головой. Качает головой, три раза чихает, а потом уже, зажмурившись, целует красавицу в сахарно-пыльные (или пыльно-сахарные) уста.

Спрашивается, зачем мы вспомнили этот идеологически невыдержанный, явно феодальный сюжет?

Этот феодальный сюжет мы вспомнили затем, что на сегодняшний день мы имеем во всех мало-мальски крупных советских городах энное количество спящих замков.

Пройдите в рабочий район. Вот тянется вдоль улицы серый от пыли забор сада. Широкая арка входа. За забором видны верхушки деревьев.

Именно об этом саде в свое время писали:

«Когда-то сад пропадал втуне, так как владельцы его — первой гильдии купцы Бебешины — никого в сад не пускали, да и сами вряд ли туда заходили. Революция вернула сад трудящимся».

От себя можем добавить:

«Революция вернула сад трудящимся, а разные головотяпы и дураки опять его отняли у трудящихся».

Отняли, отняли, чего там!

Вот он стоит забор, до того покрытый пылью, что быстроумные мальчишки для начертания на нем известных заборных слов не прибегают ни к углю ни к мелу, а прямо так и рисуют — пальцем по пыли.

У входа светит электрический фонарь. Но как светит? Как будто личное одолжение делает. И афиша, недоклеенная наполовину, спит и качается от ветерка, будто ровно дышит во сне.

Над аркой входа с конструктивной лихостью сколочено название этого летнего клуба — этакий фанерный ребус: одно слово надо читать сверху вниз, другое — снизу вверх, третье — слева направо, четвертое — по-арабски: справа налево. Но и ребус задремал в неудобной своей позе, как пассажир пригородного поезда, и все клонится, клонится вниз.

В окошечке кассы дремлет кассирша, но в самых воротах дремлет же и сторож. Стало быть, какой смысл тревожить кассиршу? Не будем будить ни кассирши ни сторожа. Войдем просто.

Все, что здесь доступно оху,

Спит, покой цена...

На улице был легкий ветерок, здесь о нем и помину нет. Сонно мигают фонари. Там и сям, — как любили писать классики девятнадцатого века, — там и сям, стоя, дрыхнут разные киоски. Пыль на них лежит солидными хлопьями, ни дать ни взять, — рождественский пейзаж.

Попадают еще фанерные стрелки-указатели, фанерные доски позора, почета и справок. Тут — фанерный круг для лотереи деткомиссии. Там — беседка-читальня.

Но среди этой фанерной Помпеи никого нет. Ни живой души. Идем мы, как самовольные зампринцы. Где же она, спящая красавица?

Но, чу! — как писали классики девятнадцатого столетия, — чу! До нашего слуха долетают какие-то звуки.

Опять храп. Чей же? Ба! — как писали классики вышеупомянутого века, — да это киноаппарат трещит. Подходим ближе. В фанерной хранине демонстрируется кинофильм (именно о нем спросоню бормотала афиша у входа). Механика не видно. Пианиста и публику тоже проглотила темнота. Но на экране что-то движется. И за то спасибо.

Жадными глазами, — как писали классики, — впииваемся в экран. О, эти летние фильмы клубного проката!

Экземпляр ленты так стар, так иссечен полосами, что кажется, точно вся картина идет под дождем. На пляже идет дождь. И в купе вагона идет дождь. И в банке, где служит герой, идет дождь. И в роскошном алькове, в коем возлежит героиня, накрапывает. И в шкафу, куда залез герой, — этакий осенний косохлест...

Дождь прекращается только, когда рвется лента, — а такое бывает часто.

Впрочем, кто же не знает летних картин? Их знают едва ли не наизусть. Все это — заслужен-

— Ах, как горько мне, красной девице, день-деньской скучать в доме отдыха...

ные фильмы республики, справляющие юбилей: 10—15 лет более или менее беспорочного пребывания на экране.

Но раз мы — зампринцы, идемте искать спящую красавицу. Где она?

Вот он — фанерный гроб, где покоится принцесса!

Собственно, даже не гроб, а кабинет с надписью: «Зав клубом».

Стремительной походкой принца вторгаемся в кабинет.

— Кто здесь принцесса?

— Ну, я — принцесса, — отвечает хриплый басок, и из сахарных уст вылетает облачко дыма от папиросы «Бокс». — Я заведующий.

— И давно вы спите?

— А вам какое дело? — находчиво говорит красавица, почесывая рыжую щетину на щеках. — Вы кто такие?

И в самом деле, мы ведь — зампринцы, нам придется ретироваться.

А давайте помечтаем: вдруг действительно к каждой такой красавице является настоящий районный принц. Он пробивается через дремуче-фанерно-пыльную чащу сада к самой красавице. Предъявив мандат, он целует красавицу в рыжусые сахарные уста, и... красавица вылетает к чертовой бабушке, а оживший сад заполняется веселой толпой трудящихся. Пыль расточается. В киосках жизнь бьет ключом из моря и сельтерской. Штатное же место красавицы занимает достойный массовик-затейник. Все пируют. И мы пируем, пьем морс, каковой течет по бороде, а в рот не попадает...

Нет, требуются районные принцы!

И очень срочно требуются. До зарезу.

В. АРДОВ

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Дорогой Крокодил!

Я не за оспу. Наоборот, я против оспы и за прививку. Но меня просто интересует, каково будет положение приезжающих в гор. Махач-Калу, если местный горсовет издал такое обязательное постановление:

«Прописку в адресном столе всех пребывающих в гор. Махач-Кала производить только по предъявлению справок об оспопрививании».

Повторяю, я не за оспу. Но я против таких постановлений, которые делаются специально для Крокодила, а вместо этого публикуются в местной печати.

А. ЕВДОКИМОВ.

Махач-Кала.

Дорогой Крокодил!

Если, например, в городе пахнет копотью, разве из этого следует, что надо наглухо забивать все печные трубы и запрещать появление дыма?

В гор. Алма-Ата (Казакстан) развелось более чем достаточное количество хулиганов, которые, напав на прохожих, предпочитают скрываться в парадных под'ездах. Что же де-

лает горсовет? А вот что он делает. По его распоряжению в срочном порядке по всему городу забиваются парадные входы, ломаются крылечки и навесы над ними. Спасибо еще, что не заколачиваются окна, в которые ведь тоже могут залезть хулиганы.

Напиши, пожалуйста, нашему горсовету, дорогой Крокодил, что есть еще и другие меры борьбы с хулиганством, кроме заколачивания парадных входов, и что меры вроде заколачивания парадных больше пригодны для создания анекдотов, а не порядка в городе.

Агроном М. СТЕПАНОВ.

Алма-Ата.

Дорогой Крокодил!

«Какой порядок вскрытия корреспонденции применяется в некоторых зарубежных учреждениях и почему он неприемлем для наших учреждений?»

Если тебе сразу трудно ответить на этот вопрос, может быть, ты подумаешь немного и ответишь попутно и на другой вопрос:

«Социально-политические условия дореволюционной России

и их влияние на делопроизводство».

Не думай, что это праздное любопытство. Эти вопросы входят в специальном вопроснике Наркомфина СССР, по которому проводилась сдача зачетов по техминимуму для делопроизводителей.

Войди в положение скромного провинциального финработника, который вдруг не знает, как, например, вскрывается корреспонденция в канцелярии палаты лордов или на мексиканской таможне... Войди — и помоги. Кому же, как не Крокодилу, вмещиваться в такие техминимумы?

ЕВГ. ДЕМЕНТЬЕВ.

Москва.

Дорогой Крокодил!

Может быть, ты помнишь знаменитые в свое время объявления лодзинских фабрикантов под заманчивыми названиями: «Восторг холостяка», «Счастье на дому» или «Уют за два с полтиной»?

Восторг холостяка заключается в том, что ему присылали за

четыре рубля гнилые брюки в зеленую клетку, счастье на дому должны были принести две сковороды из ржавого железа, а уют за два с полтиной создавали ширмы из жилетной материи с голубыми цветочками. Ныне Посылгосторг прельстился лодзинскими лаврами и рекламирует особую посылку под интригующим названием:

«Премия ударнику». «Стандартная посылка № 1. Набор для бритья. Цена 40 р. 75 к.».

В этой посылке трехрублевая бритва, небреющие лезвия, неразводящийся в воде порошок, искажающее анфас и профиль зеркало и ряд других невеселых предметов, рыночная цена которых самое большое 20 рублей.

Будь любезен, дорогой Крокодил, объясни, почему, если с доверчивого покупателя берут лишних двадцать рублей, — это называется «Премия ударнику»? Не лучше ли тогда назвать это попрежнему, по-лодзинскому, «Обман на дому за 40 р. 75 коп.».

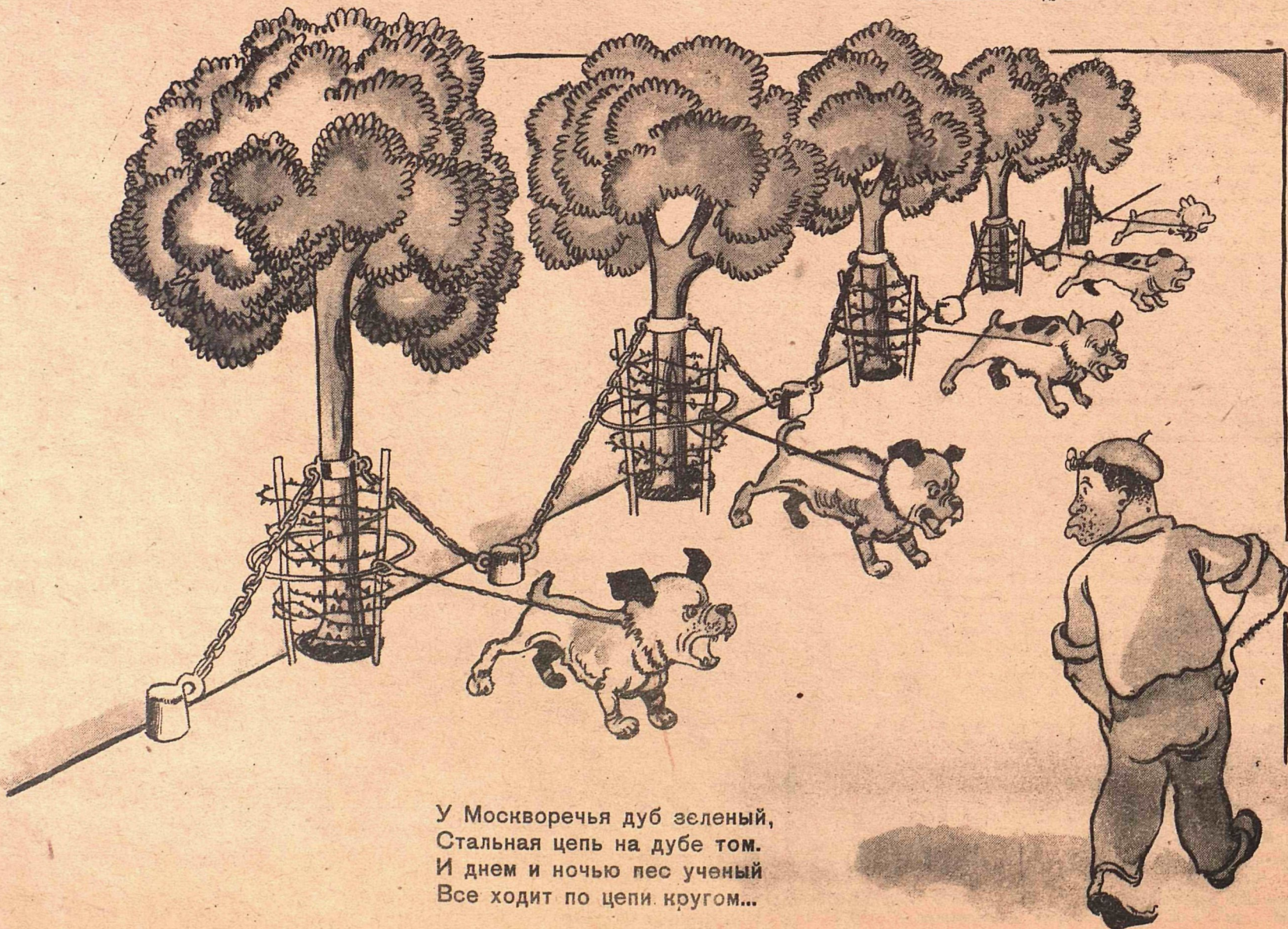
Н. АЛЕКСЕЕВ.

Ст. Васильево,

Каз. ж/д.

Рис. М. Храпковского

Большой процент посаженных в Москве молодых деревьев вырван с корнем хулиганами. Вместо молодых деревьев стали сажать пятидесятилетние липы и дубы.

У Москворечья дуб зеленый,
Стальная цепь на дубе том.
И днем и ночью пес ученый
Все ходит по цепи кругом...

Помните, товарищи, тоненькую книжечку на дрянной-предрянной бумаге? Азбуку, издававшуюся в дооктябрьские времена Иваном Дмитриевичем Сытинным. «Народную азбуку».

Помните, товарищи? На обложке еще был напечатан чрезвычайно ласковый крестьянский мальчонка. Умница мальчонка! Русоголовый, в красной рубашке, в праздничных нарядных портках, в новых лапотках и онучах головкружительной белизны.

Кончилась теперь, товарищи, сытинская азбучонка. Нынче азбука пошла не та. Нынче азбука пошла грамотная. И красивая.

И толстая. Шесть печатных листов. 108 страниц.

Но, товарищи, долой обезличку! Отметим с негодованием рассуждения об азбуке вообще. Поговорим о конкретной азбуке. Об азбуке для обучения наших польских ребятишек родному языку.

Называется азбука: «Elementarz». Автором на обложке значится З. Чернецкая. Издал азбуку Укрнацменгосиздат.

И вот счастливый отец покупает для своего сынишки азбуку. Историческая дата! Переломный момент! Вперед, милый Юзик! Овладевай высотами человеческой культуры! Буки, аз, буки, аз, счастье в грамоте для нас!

Кудрявая головка юного Юзика покорно склоняется над изданием Укрнацменгосиздата. Ребенок сознательный. Он знает, что корень учения горек, но плод учения сладок. И поэтому мальчик Юзик беззаветно идет на лишения, связанные с отрывом от веселой уличной жизни.

Итак, над упомянутой азбукой склонились головы отца и его любознательного сына.

— Слушай, сынок,—ласково говорит отец и раскрывает азбуку:

«дратчета. Единия Стълбец тряба да изображава безбожниците — момчета, другия — момчетата. Над диаграмата напиши: число то на безбожниците във втора група». Под стълбците напиши: «момчета», «момчетата», Наред с диаграмата означи мащаба, по който тя е начертана...»

— Что за чертовщина?! — восклицает удивленный счастливый отец.

Не по летам упорный, методичный и усидчивый, он заново перечитывает загадочные выражения:

«дратчета. Единия стълбец тряба изображава» и т. д.

Умный Юзик видит, что его отцу не по себе, что даже отцу непонятна азбука. И Юзик ужасается. И Юзик горько рыдает в предвидении предстоящих трудностей учебы.

Пока тяжелые слезы разочарования терзают хрупкий организм юного Юзика, ошалевший отец бегом перелистывает всю книжку. Он лихорадочно ищет в ней азбуку и не находит ее.

Для польской азбуки, по мнению авторитетов, характерен латинский алфавит. Но напрасно блуждающий взор убитого неожиданностью счастливого отца пытается найти во всей книжке текст, набранный латинскими буквами.

Весь текст набран русскими литерами. Встречается даже в широких размерах «твердый знак».

— Вклеили какую-то другую, не польскую азбуку, — догадывается отец и продолжает просмотр таинственной книжки. Как опытный читатель, он обращается прежде всего к титульному листу. Но титульного листа в наличии не оказывается.

И первой страницы не оказывается, и второй не имеется, и третья куда-то пропала... Головоломное издание Укрнацменгосиздата начинается сразу с двадцать девятой страницы.

Не будучи лишен некоторых зачатков лингвистических познаний, Юзиков отец приходит, наконец, к справедливому выводу, что перед ним печатное произведение на болгарском языке.

На основе беглого ознакомления с многочисленными табличками и разной цифирью, щедро рассматриваемыми по интересующему его произведению печатного искусства, он с радостью убеждается, что перед ним не польская азбука, а болгарский арифметический задачник, начинающийся, вследствие странной игры мысли работников издательства, непосредственно с двадцать девятой страницы.

Задачник этот очень странный. Он начинается с двадцать девятой страницы. Далее идет тридцатая, тридцать первая. И так далее. Вплоть до тридцать шестой страницы.

Потом задачник делает скачок с тридцать шестой страницы сразу на пятьдесят третью. Далее, как в нормальной книге, идет пятьдесят четвертая, пятьдесят пятая... И так вплоть до шестидесятой страницы.

Потом скачок назад с шестидесятой на двадцать девятую. Эта интересная последовательность повторяется ровно восемь раз. Книжка кончается шестидесятой страницей. А всего в ней сто восемь страниц.

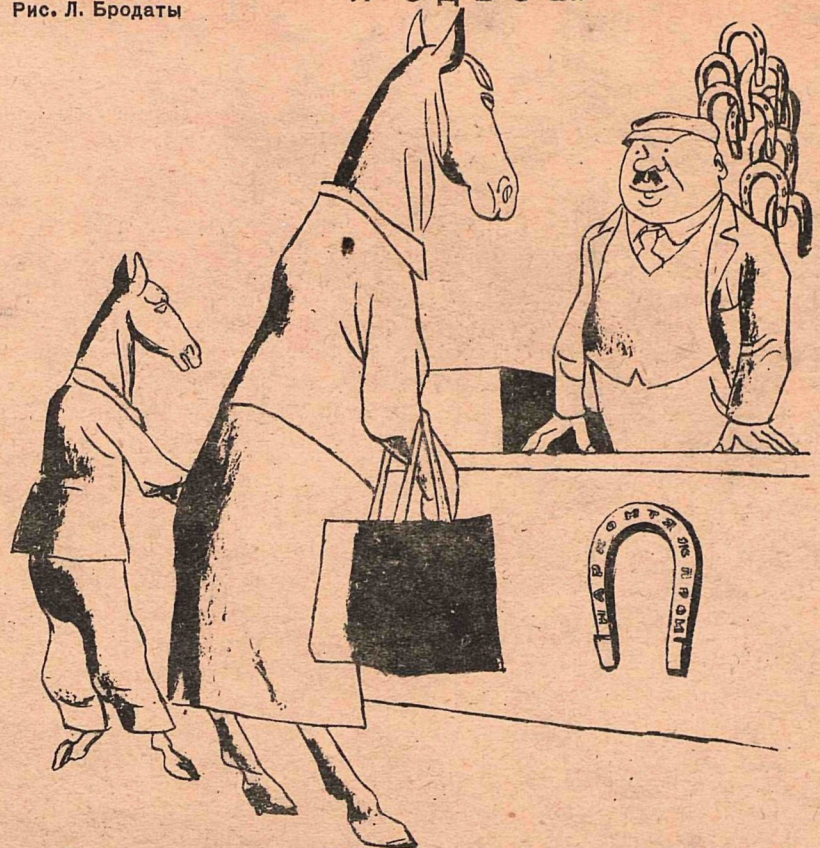
И сама напрашивается задача:

Отец мальчика Юзика купил своему сыну за 75 коп. красивую польскую азбуку. Оказалось, что вместо польской азбуки Укрнацменгосиздат всучил покупателю толстый задачник на болгарском языке. По физическому объему учебник занимает 8 печатных листов. По фактическому объему в книге — 2 полулиста. Один от 29-й до 36-й страницы, и другой — от 53-й до 60-й страницы. При чем эти два полулиста чередуются с математической точностью. Спрашивается: сколько лет должны получить отвечающие за это издательство над рабочим и колхозным потребителям руководители упомянутого издательства?

Ответ: побольше.

И. БУШУЕВ

Рис. Л. Бродаты

— Подкову желаете? Вашего номера не имеем. Могу предложить другие размеры.

МУЗА ЛОВКО ЗА ЯЗЫК ВАС ТЯНЕТ

Читателю Средней Азии очень хотелось почитать стихи.

Писатели Средней Азии выпустили литературно-художественный альманах. Такие совпадения иногда бывают. Альманах на всякий случай назвали «Молодость».

Ташкентское издательство предупредило:

„Предлагаемый вниманию читателей литературно-художественный сборник „Молодость“ задуман давно... Сборник, прежде чем увидеть свет, претерпел несколько метаморфоз чисто редакционного порядка... Из всего сырца (?) мы отобрали лучшее, чтобы таким образом сделать действительно литературный альманах“.

Читатель обрадовался:

— Вот это сборник. И «задуман давно», и «метаморфозы», и «отобрано лучше!» Чего еще лучше... И начал читать, предварительно уплатив 3 руб. за сборник.

На первой странице было указано: «Альманах составил поэт Мешков». А уже на 58-й — как непреложное доказательство этого — были напечатаны его стихи:

„В Средней Азии хлопок пророс.
Надо в эту весну наматать,
Боевую хватку комсомола
принес“.

Призадумался читатель:

— Игра природы! Насколько мне известно, в Средней Азии нет надобности «наматывать», чтобы «весной собрать урожай», ибо урожай бывает осенью.

Читал дальше.

Стихи Б. Родионова:

„Весла, как руки, в уключины вдев,
Молодежь вышла на отдых“.
(Стр. 103).

— Чудак этот самый Родионов, — сказал читатель. — Где и когда он ви-

дел, чтобы руки вдевались в уключины? И лодок таких нет...

На 59-й странице он узнал, что «левые» нытики пишутся без кавычек, а «правые» нытики — почему-то в кавычках. Видимо, произошло это в результате «метаморфоз», о которых в предисловии упоминали издатели.

На 124-й странице известный бандит басмач Ибрагим-бек удостоился быть «товарищем». Так и написано: «Товарищ Ибрагим-бек»...

Листал, листал читатель сборник и наконец долистался до 144-й страницы.

Прочел стихи А. Аскалина:

„Глубоко задумавшись
О канцеляриях разных,
Адекватно налим
Плывет в омут
Философских понятий
Субстанций и время
Как адепт не свернет
Ни в какой ноумен“.

— Так! — вздохнул читатель. — И все сам! До всего один человек додумался! И, главное, хорошо сделал, что в самом начале предупредил: «Я, глубоко задумавшись»...

Далее читатель узнал, что, несмотря на «глубокую задумчивость», Аскалин иногда проявляет проблески сознания:

„Я хочу непременно быть Байроном“.
(Стр. 142).

— А в сумасшедший дом не хочешь? — сердито спросил читатель, бросая сборник.

И в Средней Азии поэзия не должна быть ниже средней!

Евг. ПАИН

Рис. К. Ротова

ДОМ ОТДЫХА В КАМЕННОМ ВЕКЕ